

УДК 94(47+510)“1926”:327(045)

*Сан Тяньцзы***ПОЕЗДКА КОМИССИИ А. С. БУБНОВА В КИТАЙ В 1926 ГОДУ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ ГОМИНЬДАН И СССР**

В статье рассматривается работа комиссии А. С. Бубнова, отправленной ЦК ВКП(б) в Китай в 1926 г. Предпринимается попытка определить основные задачи деятельности данной комиссии, особенно в отношении инцидента, совершённого Чан Кайши 20 марта 1926 г. в Гуандуне. Также предпринята попытка определить роль А. С. Бубнова в развитии политической судьбы Чан Кайши, партии Гоминьдан и китайского революционного движения, а также последствия взаимодействия СССР с Гоминьданом. Автором использовались опубликованные РГАСПИ, дневники советских советников и воспоминания китайских деятелей. В ходе анализа источников автор приходит к заключению, что визит комиссии в Китай стал переломным моментом в сотрудничестве СССР с Гоминьданом, с этого времени советское правительство прекратило проявлять инициативу в развитии двусторонних отношений.

Ключевые слова: комиссия А. С. Бубнова, Гоминьдан, Чан Кайши, инцидент 20 марта, СССР.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-151-156

Визит комиссии А. С. Бубнова в Китай в 1926 г. оказал значительное влияние на отношения между Советским Союзом и политической партией Гоминьдан, однако из-за ограниченного количества исторических материалов этот вопрос не был исследован полностью. Китайские учёные (Гао Вэйлян, Цзэн Чэнгуй, Син Хуэйли), изучив деятельность комиссии в Китае, прокомментировали цель прибытия комиссии и оценили её влияние на Китайскую национальную революцию [8; 10; 12]. Российские специалисты изучили вопрос комплексно. А. И. Картунова оценила уступки комиссии Бубнова в отношении Чан Кайши как первый удар по стратегии и тактике ВКП(б) и Коминтерна в Китае [2]. В. Н. Усов обратил внимание на взаимодействие комиссии с советской разведкой в Китае [4]. В настоящей работе мы будем использовать китайские и российские архивы и мемуары с целью всестороннего анализа влияния работы комиссии на отношения между Советским Союзом и Гоминьданом, в частности, влияние инцидента 20 марта 1926 г. на принятие решений комиссии под председательством А. С. Бубнова.

I. Предпосылки образования комиссии А. С. Бубнова следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это политическая ситуация внутри и за пределами Советского Союза. В 1926 г. борьба внутри ВКП(б) начала усиливаться. «Новая оппозиция» во главе с Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и Л. Д. Троцким выступала против И. В. Сталина по целому ряду вопросов внутренней и внешней политики. Проблема выбора вектора отношений с Китаем также была предметом споров и дискуссий. Необходимо учитывать и то, что существовавшие на тот момент напряжённые отношения с Великобританией, а также активное развитие антисоветизма вызывали серьёзное беспокойство у советских лидеров. Эти факты во многом стали следствием активного участия СССР во внутренней политике Китая.

Во-вторых, это внутривнутриполитическая обстановка в Китае, которая была довольно сложной. В январе 1926 г. главнокомандующий Национальной армией Фэн Юйсян объявил о временном уходе с политической арены. В это же время разгорелся острый конфликт на КВЖД, а китайские и зарубежные газеты развернули антикоммунистическую и антисоветскую пропагандистскую кампанию, требуя от Советского Союза отозвать из Китая своего посла Л. М. Карахана. Вместе с тем возникли серьёзные разногласия среди советского персонала в Китае (между военными советниками на севере Китая, между послом Л. М. Караханом и военным атташе А. И. Егоровым и его заместителем В. А. Трифоновым, между политическим советником Гоминьдана М. М. Бородиным и военным советником Н. В. Кисанькой). Поскольку СССР имел в Китае и национально-стратегические, и революционные интересы [7, с. 531], то 14 января 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, согласно протоколу № 3 (Особый № 2), срочно направить в Китай комиссию во главе с А. С. Бубновым (членом ЦК партии, начальником Политотдела РККА, членом РВС СССР) [1, с. 24], которая наделялась широкими полномочиями и имела цель получить информацию о происходивших в Китае политических процессах, а также оценить тенденции и перспективы развития в стране национально-революционного движения.

По соображениям безопасности комиссия представляла своё прибытие в Китай как исключительно частную поездку, и во время пребывания в стране А. С. Бубнов использовал вымышленную фамилию — Ивановский, вследствие чего и комиссия называлась — Ивановского. В её составе находилось более 10 чел., в т. ч.: Н. А. Кубяк — секретарь Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), И. И. Лепсе — член ЦК, Л. М. Карахан — посол СССР в Китае и др. Выводы комиссии о ситуации в Китае и её доклады советскому руководству повлияли на формирование политики СССР в отношении Китая на последующих этапах взаимоотношений между двумя странами, что полностью нашло отражение в отчёте комиссии и в московской резолюции.

II. Главные задачи комиссии нашли отражение в протоколе № 3 (Особый № 2) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1926 г. за подписью И. В. Сталина: 1) выяснить положение в Китае и информировать Политбюро; 2) принять на месте, совместно с т. Л. М. Караханом, все необходимые меры, поскольку они не нуждаются в санкции Политбюро; 3) упорядочить работу посланных в Китай военных работников и 4) проверить, насколько обеспечен правильный подбор посылаемых в Китай работников и как они инструктируются [1, с. 24]. Таким образом, комиссия была наделена правом принимать сложные и ответственные решения без согласования с Центром.

III. Основные направления деятельности комиссии в Китае. Комиссия прибыла в Китай в начале февраля и покинула его 24 марта 1926 г. За более чем 40 дней пребывания в стране члены комиссии посетили Пекин, Чжанцзякоу, Баотоу, Шанхай, Гуанжоу и встретились с М. М. Бородиным (главный политический советник в Гуанчжоу), Чан Кайши (главнокомандующий национально-революционной армией), Фэн Юйсяном (главнокомандующий национальной армией), Чэнь Дусю (генеральный секретарь ЦК КПК) и обсудили с ними широкий спектр вопросов, касающихся политики, дипломатии, военного дела и др. Таким образом, за время визита в Китай комиссия, для максимальной реализации стратегических интересов Советского Союза, провела переговоры с лидерами всех влиятельных политических сил Китая того времени.

В деятельности комиссии в Китае можно выделить два направления. Первое было связано с действием успешной реализации Северного похода Национально-революционной армии (далее — НРА), в ходе которого члены комиссии инспектировали политическую и военную ситуацию в Китае и обеспечивали «на месте» руководство работой советских советников. Второе, «внеплановое», — с участием в урегулировании внезапного выступления Чан Кайши 20 марта 1926 г.

С целью быстрее разобраться во внутривнутриполитической ситуации в Китае 11–17 февраля 1926 г. в Пекине комиссия А. С. Бубнова заслушала доклады и выступления Л. М. Карахана, М. М. Бородина, военного атташе при советском полпредстве А. И. Егорова, его помощника В. А. Трифонова, советника Фэн Юйсяна В. М. Примакова и др.

В конце февраля, с целью ознакомления с действительным положением на Северо-Западе Китая, комиссия побывала в Чжанцзякоу и Баотоу и провела в окрестностях Баотоу переговоры с Фэн Юйсяном. В основном её беспокоили перспективы Северного похода НРА, отношения между Фэн Юйсяном с НРА, а также возможности вмешательства империалистических держав во внутренние дела Китая с целью поддержки оппозиции. 22 февраля комиссия встретила со всеми сотрудниками советского посольства в Китае. На встрече ею был выдвинут комплексный перспективный план деятельности на Севере с учётом того, что Фэн Юйсян «человек стоящий», «идеологию национально-революционного движения в известной степени принял, за него революционному фронту стоит бороться». Было решено продолжать оказывать Фэну помощь в возрастающем масштабе, добиваться, чтобы к нему в роли политического советника был направлен крупный и опытный работник типа М. М. Бородина. А. С. Бубнов также сделал вывод, что «условия для Северного похода созрели, надо вести подготовку к нему, чтобы двинуться на север через полгода — год» [6, с. 43].

Совершив визит на Север, комиссия отправилась в Шанхай, где встретила с Чэнь Дусю. Стороны обменялись мнениями по вопросам объединённого фронта, отношения КПК к национальной армии, Северного похода и др. После Шанхая 13 марта 1926 г. комиссия морем прибыла в Гуанчжоу. Здесь, в революционном Центре, в отличие от Севера, ей больше не нужно было действовать тайно. Проработав в Гуанчжоу две недели, комиссия обсудила вопросы поставки Советским Союзом в Гуандун нефти и улучшения торговых отношений между СССР и Гуандуном в целом. 14 марта в сопровождении Чан Кайши побывала в Военной академии Вампу, познакомилась с деятельностью Политсовета ЦИК Гоминьдана и Национального правительства. Также в Гуандуне комиссия посетила рабочее совещание районного комитета КПК.

IV. Комиссия А. С. Бубнова и инцидент с канонерской лодкой «Чжуншань». Во время пребывания комиссии в Гуанчжоу разразился знаменитый инцидент с канонерской лодкой «Чжуншань», известный также как «мартовское выступление». Его причины и ход были довольно сложны, и стороны располагали разными задокументированными свидетельствами этих событий [14, с. 51–53]. На основании дневника Чан Кайши и других материалов можно предположить, что «этот инцидент во многом связан с крайне подозрительным и своенравным характером Чан Кайши» [11, с. 148]. Основная его причина кроется в резких противоречиях между Чан Кайши и главой советской группы Н. В. Кисанькой и Ван Цзинвэем в вопросе о Северном походе и финансировании НРА. Чан Кайши подозревал, что Н. В. Кисанька вступил в сговор с Ван Цзинвэем с целью отвезти его через Владивосток в СССР в качестве пленника [5, с. 56]. Чтобы предотвратить этот заговор Чан Кайши ввёл военное положение, издал приказ об аресте Ли Чжилуна и других коммунистов, проникших в армию, приказал разоружить членов находившегося в руках коммунистов стачечного комитета Гуандун-Гонконгской забастовки, послал войска для окружения жилища советских советников [5, с. 56]. Хотя через несколько лет, по воспоминаниям советника А. И. Черепанова, это событие «ни в какой мере не было внезапной, импульсивной акцией Чан Кайши, несмотря на истеричность его натуры» [6, с. 66], в тот период оно оказалось неожиданным для всех, включая советское руководство, советников и лидеров КПК. Так, в феврале 1926 г. в своём докладе комиссии А. С. Бубнова М. М. Бородин, считая Чан Кайши представителем «крайне левого течения в Гоминьдане», указывал, что «в Гуандуне получилась как бы единая прочная власть», «политика Гуандуна приобретает более левую направленность» и что в национально-революционной борьбе Китая союз с Советской Россией необходим и неизбежен [1, с. 101–104]. Очевидно, что М. М. Бородин излишне оптимистично оценивал ситуацию в Гуандуне и совершенно не ожидал мартовского выступления.

Присутствие комиссии в Китае во время мартовского выступления оказалось «весьма кстати». Поскольку М. М. Бородин и В. К. Брюхелль не было в Гуанчжоу, пребывавшая здесь комиссия А. С. Бубнова взяла на себя заботу об урегулировании инцидента. «Комиссия сыграла важную роль в урегулировании отношений Коминтерна и Москвы с Гоминьданом, что в конечном итоге обеспечило Гоминьдану дальнейшую поддержку его политики в целом, в т. ч. материальную и военно-техническую помощь советской стороны в отношении Северного похода» [3, с. 228].

После мартовского выступления Чан Кайши опасался, что его действия могут привести к непредсказуемым последствиям, а именно, что советские советники и Ван Цзинвэй объединят свои силы для противостояния ему, поскольку влияние советских советников в Гоминьдане в то время было намного сильнее влияния Чан Кайши. 20 марта Н. В. Кисанька отправил своего помощника, чтобы тот «сильно обвинил» Чан Кайши, и Чану пришлось «всячески извиняться» [11, с. 151]. 22 марта В. И. Соловьев, в то время замещавший М. М. Бородин в Гуандуне, нанёс краткий визит Чан Кайши с целью выяснить обстановку: понять, против кого направлены действия в Гуандуне: «против личностей» или «против Советского Союза». Чан Кайши ответил, что «против личностей». После этого В. И. Соловьев заявил, что вопрос легко решить отзывом Кисаньки, Рогачева и Разгона, т. е. всей верхушки Южно-китайской группы советских военных советников, в СССР. Советская сторона не протестовала, что очень удивило Чан Кайши.

Оценка комиссией «инцидента 20 марта» была представлена в её докладе на общем собрании Гуандунской группы советских советников 24 марта 1926 г., в письме А. С. Бубнова М. М. Бородину от 27 марта и в общих выводах и предложениях от 17 мая. Согласно этим документам, комиссия полагала, что «действительно полно и, несомненно, всесторонне» ознакомилась с Гуандуном, расценила событие как «маленькое полувосстание» Чан Кайши, направленное «против русских советников и китайских коммунистов» [1, с. 158]. Эти события в полной мере раскрывают и основное соотношение классовых сил в Гуандуне и провинции, и те ошибки, которые были допущены советскими советниками в различных отраслях работы в Гуандуне, и главным образом в области военной работы. По мнению А. С. Бубнова, допущенные советскими советниками в военной работе ошибки стали следствием того, что «во-первых, не было предвидения возможности конфликта внутри Нацправительства, могущего найти своё отражение внутри Нацармии; во-вторых, имелась переоценка крепости и единства Нацправительства, а также крепости и единства верхушки Нацревармии; в-третьих, обнаружено было неумение заранее вскрывать и ликвидировать те большие перегибы в военной работе, которые с полной ясностью были обнаружены в ходе мартовского выступления; в-четвертых, централизация армейского управления (Главный штаб, Управление снабжения, ПУР) производилась слишком быстрыми темпами,

что не могло не вызвать глухой оппозиции со стороны верхушки офицерского состава, не учитывалась психология и навыки китайского генералитета и китайского офицерского состава; в-пятых, русский советник, который нередко не столько советует, сколько командует; получилось то, что мы на китайского генерала надели пять ошейников: штаб, Управление снабжения, ПУР, комиссар и советник. Надо учесть то обстоятельство, что генерал-то китайский, а советник-то русский» [1, с. 145–146].

В отличие от оптимистичного мнения М. М. Бородина о прочности Гуандуна, комиссия в своём докладе отметила, что Гуандун «переживает переходный период» [1, с. 139], и высказала свои рекомендации по вопросам о левом Гоминьдане, о работе профсоюзов, о Китайской коммунистической партии, о Гонконгской забастовке, о работе в Гонконге, о Северном походе, об ошибках в военной работе и об оценке работы военной группы и перспективах этой работы. Кроме того, сделала выводы о том, что «левый Гоминьдан является до сих пор ещё слабым в части внутренней организованности, влияния на массы и связи с массами» [1, с. 142], что у союзов ещё чрезвычайно слаба массовая работа и связь с массами, что гвардия при профсоюзах присвоила себе совершенно несвойственные ей полицейские функции, что КПК значительно больше сил и внимания должна сосредоточить на «внутрипартийной воспитательной работе, и необходимо взять курс на ликвидацию забастовки» [1, с. 141–143], что Северный поход нужен, что «национальная революция на Юге Китая не может топтаться на месте, окопаться на Юге Китая», что нельзя идти «в Северный поход без точных и определённых лозунгов, думать о том, чтобы идти в Северный поход, не “зацепив” крестьянской массы, это значит сделать безусловную ошибку» [1, с. 145].

Сопоставление исторических документов позволяет сделать вывод, что решения комиссии А. С. Бубнова были единогласно одобрены руководством СССР. Рекомендации комиссии о поддержке Гоминьдана и его Северного похода в целом подтверждали общую направленность резолюции VI расширенного пленума ИККИ по китайскому вопросу [3, с. 241].

У. Влияние комиссии А. С. Бубнова. Во время пребывания в Китае комиссия А. С. Бубнова успешно выполнила поставленные задачи, собрав необходимую информацию о положении в стране «на месте». Это ознакомление «пойдёт на пользу и политическому руководству в Гуандуне, и вообще делу национальной революции на Юге Китая» [1, с. 158]. С одной стороны, комиссия А. С. Бубнова обобщила мысли советников и сделала верные выводы относительно Северного похода: определила Северный поход как главное направление усилий советских советников и подчеркнула необходимость выработки определённого лозунга для него. Комиссии было хорошо известно, что Северный поход имеет большое значение для Советского Союза, ибо в случае его успеха у СССР на Дальнем Востоке появится «могучий многомиллионный союзник» [6, с. 43], что, несомненно, поможет изменить положение Советского Союза на международной арене. С другой стороны, комиссии А. С. Бубнова удалось достаточно взвешенно и реалистично подойти к оценке ситуации в Гуандуне, срочно принять меры к исправлению стиля работы советских военных советников в НРА, а также выработать дельные рекомендации М. М. Бородину, направленные на корректировку его деятельности в Гоминьдане [3, с. 235–236].

Как комиссия высокого уровня, направленная Советским правительством, комиссия А. С. Бубнова в первую очередь взяла за основу в своей работе защиту интересов Советского Союза, всеми силами охраняла единый фронт и упорствовала в вопросе Северного похода. Выяснив, что выступление Чан Кайши является выступлением «против личностей», комиссия сделала уступки. В. И. Соловьёв писал в письме к Л. М. Карахану: «Комиссия это делала как тактический шаг для того, чтобы выиграть время и подготовить ликвидацию этого генерала» [1, с. 153]. Однако последующее развитие событий показало, что «временный компромисс» Советского Союза не смог остановить Чан Кайши, но принёс ему пользу, сделав из Чан Кайши китайского Наполеона [13, с. 419]. В результате, левая власть в Гоминьдане была ослаблена, но антикоммунистические настроения в Гоминьдане не ослабили наступление Коминтерна, наоборот, они стали более жёсткими [9, с. 425]. Это также привело к последующему «предложению по урегулированию внутривнутрипартийных вопросов», которое вызвало выход представителей Коммунистической партии Китая из Гоминьдана. В итоге, влияние советских советников в Национальном правительстве Гуанчжоу и в Национальной революции было ослаблено, а их статус пошатнулся. Поэтому, когда 29 апреля М. М. Бородин вернулся в Гуанчжоу, его неприятно удивила реальность, с которой он столкнулся: он отсутствовал всего три месяца, а ситуация стала настолько плохой, что это было неожиданно [13, с. 425].

Наконец, советские лидеры придавали большое значение выводам комиссии, вследствие чего был принят ряд документов, среди которых: «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Япо-

нии» (1 апреля 1926 г.), «Военно-политическая работа в Китае и необходимая реорганизация её на ближайший период» (15 апреля 1926 г.). Эти документы определили долгосрочные стратегические ориентиры политики Советского Союза в отношении Китая. С этого момента общая стратегия СССР по отношению к Китаю начала меняться и вступила на путь компромисса и передышки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1926–1927. Т. 2 М.: Буклет, 1996. С. 24–158.
2. Картунова А. И. Итоги и выводы двух комиссий политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам китайской политики (1926 г.). М.: Форум, 2014. С. 418–432.
3. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан: 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 228–241.
4. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 143–157.
5. Чан Кайши. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: Посев, 2009. С. 56.
6. Черепанов А. И. Северный поход Национально-революционной армии Китая: записки военного советника М.: Наука, 1968. С. 43–66.
7. John K. Fairbank. The Cambridge History of China. Vol. 12. Republican China, 1912–1949. Part I. New York: Cambridge University Press. 1983. P. 531.
8. 高维良. 布勃诺夫使团在华期间的功过//南京政治学院学报. 1992. N 1. Pp. 42–45.
9. 李玉贞. 国民党与共产国际 1919–1927. 北京:人民出版社. 2012. P. 425.
10. 邢慧丽. 布勃诺夫使团的中国之行//康定民族师范高等专科学校学报. 2000. N 3. Pp.49-52.
11. 杨奎松. 国民党的“联共”与“反共”上. 桂林:广西师范大学出版社. 2016. Pp. 148–151.
12. 曾成贵. 布勃诺夫使团中国之行评析//江汉论坛. 1987. N 10. Pp.77-81.
13. 张国焘. 我的回忆.北京:东方出版社. 2004. Pp. 419–425.
14. 陈公博. 苦笑录.北京:现代史料编刊社. 1981. Pp. 51–53.

Поступила в редакцию 26.03.2021

Сан Тяньцзы, аспирант Исследовательского центра русского языка, литературы и культуры
Хэйлунцзянский университет
150001, Китай, г. Харбин, ул. Хюефулу, д. 74
E-mail: sang.tz@yandex.ru

Sang Tianzi

**VISIT OF A.S. BUBNOV' COMMISSION TO CHINA IN 1926 AND ITS INFLUENCE
ON THE DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN THE KUOMINTANG POLITICAL PARTY
AND THE USSR**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-151-156

In this work, the “A.S. Bubnov’s Commission” sent by the Central Committee of the CPSU(b) to China in 1926 is considered as the main object of research. The purpose of this study is to clarify the main tasks and activities of this commission, especially the commission’s attitude of the incident by Chiang Kai-shek on March 20 in Guangdong. An attempt was also made to determine the role of A.S. Bubnov’s decision on the development of the political fate of Chiang Kai-shek, the Kuomintang and the Chinese revolutionary movement, their consequence of the interaction of the USSR with the Kuomintang. To achieve this goal, a source of archival and historical documents was used, in particular, the archive of the RAGSPI, diaries of Soviet advisers and memoirs of Chinese leaders. The results of the study show that the visit of the commission to China became a turning point for cooperation between the USSR and the Kuomintang, since then the USSR has constantly lost the initiative in bilateral relations.

Keywords: Commission of A. S. Bubnov, Kuomintang, Chiang Kai-shek, incident on March 20, USSR.

REFERENCES

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1926–1927. Т. 2 [ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1926–1927]. Moscow, “Buklet” Publ., 1996, pp. 24–158. (In Russian).

2. *Kartunova A. I.* Itogi i vyvody dvuh komissij politbyuro CK VKP(b) po voprosam kitajskoj politiki (1926 g.) [Results and conclusions of two commissions of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) on Chinese politics (1926)]. Moscow, "Forum" Publ., 2014, pp. 418–432. (In Russian).
3. *Mamaeva N. L.* Komintern i Gomin'dan: 1919–1929 [Komintern and Kuomintang 1919–1929]. Moscow, "ROSSPEN" Publ., 1999, pp. 228–241. (In Russian).
4. *Usov V. N.* Sovetskaya razvedka v Kitae v 20-e gody XX veka [Soviet intelligence department in China in the 20s of the 20th century]. Moscow, "OLMA PRESS" Publ., 2002, pp. 143–157. (In Russian).
5. *Chan Keshin.* Sovetskaya Rossiya v Kitae. Vospominaniya i razmyshleniya v 70 let [Soviet Russia in China. Memories and reflections at 70 years old]. Moscow, "Posev" Publ., 2009, p. 56. (In Russian).
6. *Cherepanov A. I.* Severnyj pohod Nacional'no-revolucionnoj armii Kitaya: zapiski voennogo sovetnika [The Northern Expedition of the National Revolutionary Army of China-Notes of a military adviser]. Moscow, "Nauka" Publ., 1968, pp. 43–66. (In Russian).
7. *John K. Fairbank.* The Cambridge History of China. Vol. 12. Republican China, 1912–1949. Part I. New York: Cambridge University Press, 1983, p. 531. (In English).
8. *Gao Weiliang.* Bubonuofu shituan zai hua qijian de gongguo [The merits and demerits of the Bubnov's Commission in China]. Nanjing zhengzhi xueyuan xuebao [Journal of Nanjing University of Political Science], 1992, no. 1, pp. 42–45. (In Chinese).
9. *Li Yuzhen.* Guomindang yu Gongchanguoji 1919–1927 [Kuomintang and Komintern 1919–1927]. Moscow, "Zhen'min" Publ., 2012, p. 425. (In Chinese).
10. *Xing Huili.* Bubonuofu shituan de zhongguo zhi xing [Bubnov's Commission in China]. Kangding minzu shifan gaodeng zhuanke xuexiao xuebao [Journal of Kangding National Teachers College], 2000, no. 3, pp. 49–52. (In Chinese).
11. *Yang Kuisong.* Guomindang de "Liangong" yu "Fangong" [The Kuomintang's "Union Communist Party" and "Anti-Communist Party". Part I]. Guilin, Guangxi Normal University Press, 2016, pp. 148–151. (In Chinese).
12. *Zeng Chenggui.* Bubonuofu shituan zhongguo zhixing pingxi [Comment on Bubnov's Commission in China]. Jiangnanluntan [Jiangnan Forum], 1987, no. 10, pp. 77–81. (In Chinese).
13. *Zhang Guotao.* Wo de huiyi [My memories]. Beijing, Oriental Publ. House, 2004, pp. 419–425. (In Chinese).
14. *Chen Gongbo.* Kuxiaolu [Wry smile]. Beijing, Modern Historical Materials Editing Press, 1981, pp. 51–53. (In Chinese).

Received 26.03.2021

Sang Tianzi, PhD student of the Research Center for Russian Language, Literature and Culture
Heilongjiang University
Xuefulu st., 74, Harbin, China, 150001
E-mail: sang.tz@yandex.ru